Я проснулся, как и всегда, около полуночи в комнате, которую мы с Джоррой делили. Легко было бы свалить все на вурсенг. Но на самом деле я уже начал ожидать, что всё пойдет не так. Относительное спокойствие в анклаве никогда не нравилось мне. Как будто какой-то голос шептал в глубине сознания, что здесь мне слишком комфортно. Напоминание о возможности того, что в любой момент все это может быть потеряно. Я тихо поднялся с кровати и оделся, ведя себя очень тихо, так как замечания Кильвиуса, сделанные накануне, не выходили из головы.

После короткого визита в ванную, чтобы умыть лицо, я приготовился уходить на ночь.

Медленный, пронзительный крик ребенка заставил меня замереть на месте. Странно. Агарин редко просыпался посреди ночи в эти дни. Наверное, это было нормально. В любую минуту мог зажечься фонарь, и Кильвиус или Неттари, протирая глаза ото сна, прошли бы по коридору. Но этого не произошло. Если подумать, они оба выглядели изможденными после вечернего ужина.

Я взглянул на входную дверь, затем тихо выругался себе под нос и проскользнул в комнату Агарина. Поначалу ребенок вызывал у меня тревогу, до такой степени, что я был обескуражен. Потребовалось время, чтобы понять, почему. Это не было связано ни с цветом его кожи, ни с крошечным хвостиком, ни с маленькими черными рожками, которые уже выглядывали из черепа. Это было что-то другое, что-то более глубокое.

Быть отцом — это то, о чем я никогда не думал до Лилиан. Я скрывал от неё свои самые яркие эмоции, потому что ей нужна была поддержка, а не дополнительные причины для тревоги, но, боги, как же я боялся. Каждая мелочь, которую делал мой отец, то, как даже самые незначительные поступки влияли на нас с сестрами в дальнейшем, внезапно увеличивались в моем сознании, уровень ответственности был настолько огромным, что почти парализовал. Как я мог стать отцом, если никогда не видел, каким должен быть отец?

И поэтому я рвался вперед, подавляя страх ради нее. И после того, как ее отняли у меня, были и гнев, и горе, и ненависть. Но под всем этим был крошечный шепот чего-то еще.

Облегчение.

Облегчение от того, что я не смогу сделать с этим ребенком то, что мой отец сделал со мной. И я похоронил это облегчение под океаном ликера и вина, пока не забыл обо всем этом.

То есть, пока не появился Рин.

— Кэр? — сказал он. Он стоял, его маленькие ручки сжимали деревянные планки, составлявшие стенки люльки, которую мы с Неттари расширили, чтобы сделать ее более безопасной. — Кэр? Встал?

Вопреки своей воле, я улыбнулся. — Конечно, малыш. — Я вытащил его из люльки, слегка

кряхтя. Он набирал вес со скоростью, присущей только инферналам, человеческие дети никак не могли столько весить. Убедившись, что поддерживаю его снизу, я перенёс его в кресло-качалку в другом конце комнаты. Там я укачивал его в тишине, единственным звуком в доме был медленный скрип кресла. Его белые глаза повторяли последовательность движения кресла: они расфокусировались и почти закрывались, а затем снова открывались.

Я осторожно ткнул его в нос, и он зашевелился, выглядя ужасно обиженным.

— За что? — спросил он.

— Вот о чем речь. Почему ты так стараешься бодрствовать, когда все остальные спят? — Я указал на темноту за окном. — Видишь? Солнца нет. Время сна.

Рин вцепился в мой палец, когда тот ткнулся в его нос во второй раз. — Сказка! — настаивал он. Я хихикнул. Может быть, это была карма, вернувшаяся, чтобы свести счеты с неумеренным количеством раз, которые я, должно быть, произносил это слово своей матери.

— Мы не должны делать из этого привычку, ты же знаешь. Неттари убьет меня, если ты будешь просыпаться и просить сказки — она точно узнает, кого винить.

Небольшая пауза. — Сказка!

— Ладно, ладно. — Я устроился в кресле-качалке и принялся за сильно измененную подборку разнообразных сказок сэра Гентри Мудрого. Только в этой версии сэр Гентри был синекожим инферналом.

Сэр Гентри прибыл к пикси из Королевской Рощи со многими дарами, надеясь узнать секрет их металлов, которые при правильной заточке могли резать камень как масло. Пикси убегали от сэра Гентри. Только когда он предложил им вино и сладкие ягоды, они наконец приблизились. Сэр Гентри поймал одного из пикси в сеть. Пикси звали Сонг. Он заверил ее, что не причинить ей вреда, а просто хочет поговорить. Сонг была молода, но умна и ответила на его вопрос вопросом. Она сказала, что если сэр Гентри сможет правильно ответить на один вопрос, то она откроет ему секрет волшебной стали пикси.

Вопрос был такой: что такое справедливость?

На середине рассказа в комнату вошла Неттари, одетая в простую белую ночную рубашку. Она указала на ребенка у меня на руках, и я отшатнулся, посмотрев вниз: Рин крепко спал, засунув большой палец в рот. Я фыркнул. Похоже, в этой истории было слишком много философии. Медленно и осторожно я вернул его в люльку, позаботившись о том, чтобы уложить его голову на подушку.

Я последовал за Неттари через дом и заднюю дверь. От прохладного вечернего воздуха Анклава у меня по позвоночнику пробежала дрожь. Искусственное солнце потускнело до

бледно-белого цвета, убедительно имитируя полумесяц. Кусочки слюды и кварца в куполе отражали свет в рассеянных бликах, почти выдавая их за звезды. Неттари набила трубку ринурийским листом и приготовилась зажечь ее. Она насмешливо посмотрела на меня, когда я протянул свою трубку, потом закатила глаза и все равно зажгла ее.

— Кильвиус бы взбесился, — сказала Неттари.

— На тебя или на меня? — Я ухмыльнулся. Она нахмурилась на легкомысленный шантаж. Я пожал плечами и сделал длинную затяжку, слегка вздрагивая от внезапного прилива энергии. Может, это и вызывало некоторую психологическую зависимость, но до уровня ринуриана не дотягивало. — Это просто вурсенг.

— Тогда вдвойне. Это объясняет твои приходы и уходы в любое время суток. — Неттари затянулась трубкой и вздохнула с внезапным удовлетворением. Я приготовился к очередной лекции, но ее не последовало.

— Спасибо, что помог с Рин, — сказала Неттари через мгновение. — Иногда я его просто не слышу. Не то, чтобы я не хотела. Со временем разум просто отгораживается от него, особенно по ночам. Это пугает меня до полусмерти.

— Это пустяк.

— Это не пустяк, — настаивала Неттари. — Над чем ты сегодня работаешь?

Решив, что лучше не привлекать внимание к оттачиванию своей магии в течение следующих нескольких часов, я достал из сумки книгу.

Она охватывала промежуточные уровни демонической речи. По правде говоря, она занимала относительно низкое место в моем списке приоритетов, но Майя настаивала на ее важности, так как большинство демонов не так свободно владеют общим языком, как Кастрамот, и она понадобится мне, если я когда-либо буду надеяться связать низшего демона. Это было маловероятно, но если такая возможность представится, я не могу упустить ее.

Неттари провела меня по основным спряжениям глаголов демонического слова — призывать. — Главное, что неизменно ставило меня в тупик в демоническом языке — это отсутствие определенного грамматического порядка. Скорее, порядок определялся различными падежами существительного. Диремонт ударил мою бабушку, или моя бабушка ударила диремонта, отдельные слова могли быть расположены в одном и том же порядке. Только отдельные падежи слов меняли порядок.

Добавьте сюда то, что падежи различались в зависимости от пола существительного, а их было четыре, и все это слишком быстро стало сложным с лингвистической точки зрения. Если прибавить к этому тот факт, что демоны были известны тем, что использовали этот язык для намеренного обмана и запутывания, особенно в контрактах, то все становилось просто

кошмарным.

Я закончил рисовать схему «Вызова», — чувствуя себя лишь чуть менее запутанным, чем когда начинал.

Неттари протянула руку, чтобы закрыть мой блокнот, привлекая мое внимание. — Слушай. Мы с Кильвиусом поговорили, и хотим поручиться за тебя как за эмиссара.

Я пожевал мундштук своей трубки, обдумывая это. Среди инферналов существовала традиция. Детей, наиболее близких к вхождению в Святилище, отправляли на церемонию отбора, где присутствовали эмиссары из различных легионов демонов, надеясь получить рабский договор и связать демона, который поможет им в будущем странствии. Простое присутствие демона в качестве разведчика могло значительно уменьшить опасность Святилища. Но…

— Разве это не дорого? — спросил я.

— Не беспокойся о деньгах. — Неттари пожала плечами. — Мы уже отложили приличную сумму для Майи, но сейчас ей это не так уж и нужно, верно?

— А как же Джорра и Рин?

— О Джорре уже позаботились. А Рин… — Неттари пожала плечами. — Еще больше десяти лет, чтобы накопить на это. И я уверена, что все, что ты найдешь в святилище, поможет.

— Я не могу… — Неттари прервала меня.

— Кэрн, когда моя дочь привезла тебя домой, у меня были сомнения. Я думала, что ты будешь вести себя как избалованный дворянин, выдвигать требования и вообще вести себя как сопляк. Я боялась этого. Последнее, что мне было нужно, это еще один ребенок, о котором нужно заботиться. Но… ты учишься. И ты справляешься со своими обязанностями. Ты действительно справляешься. Кроме того, моя дочь дала клятву, и я не отменяла ее.

— Я не хочу быть обузой.

— И тебе это удалось. Но знай. Мой дом не отправляет детей в святилище без всех возможных преимуществ. Научись принимать дары, когда они даются.

Ошеломленный и чувствуя себя немного неважно, я сказал единственное, что мог.

— Ладно.

— Хорошо.

Неттари потратила некоторое время, рассказывая мне, как это будет работать. Отбор эмиссаров не отличался от крупного торгового мероприятия. Некоторые демоны из легионов высшего уровня были невероятно разборчивы, некоторые — менее. Были легионы, которые считались надежными и готовыми к сотрудничеству, а других следовало избегать любой ценой. Важнее всего был артефакт. Мне нужно было что-то, чтобы привлечь внимание, отличить себя от других. Джорре дали маленький фрагмент меча, принадлежавший когда-то архи-жрецу — реликвию, переданную самой Неттари.

— Что? — спросил я, забавляясь. — Моя королевская кровь не подойдет в качестве приманки?

Неттари серьёзно покачала головой. — Нет, если только ты не хочешь связать себя с демоном. Надеюсь, не нужно говорить, как это плохо. Нет, все, что действительно заботит демонов, это богатство, артефакты и демонстрация силы.

Я обдумал несколько разных вариантов. Приобрести богатство было бы не так уж сложно, но для этого потребуется опереться на отца, чего я предпочел бы избежать любой ценой, поскольку и так задолжал, а причины его столь странного содействия до сих пор неизвестны. У меня не было артефактов, и я не был особенно силен. Но была одна вещь, которую я мог сделать так, как никто другой в анклаве.

— А как насчет этих асмодиалов, бегающих вокруг? Допустим, я убью пару низших асмодиалов и запечатаю их с помощью пламени Данталиона. Будет ли их пепел считаться даром?

Неттари немного подумала. — Возможно. Это закроет перед тобой некоторые двери, но большинство демонов раздражены асмодиалами так же, как и все мы, поскольку их восстание сильно мешает течению событий и вообще порочит репутацию остальных.

Мысль о том, что демоны так дорожат своей репутацией, бесконечно забавляла меня.

— Однако, это будет опасно. Я не уверена, что тебе стоит так рисковать. Обладание даром не поможет тебе, если ты умрешь.

Я пожал плечами. — Это просто мысль.

— По крайней мере, об этом стоит поговорить с Ралакосом. Он может одолжить тебе пару стражников для вылазки во внешние пещеры, — сказала Неттари. Она сделала долгую паузу. Я заметил, что она решает, стоит ли что-то говорить, и воздух между нами стал странно густым. — Кэрн? — наконец спросила она. — Как ты относишься к моей дочери?

Внезапная смена темы была похожа на засаду. Я выдохнул едкий дым и закашлялся, пока дыхание не нормализовалось. Хотя, на самом деле, это было вполне нормально, что она спросила. Возможно, сторонним наблюдателям, не знающим всей глубины нашей истории, мы

казались ненормально близкими. Но на этом всё и ограничивается, я был в этом уверен. Затянувшиеся взгляды, странные толчки в грудь — все это было не более чем обычными подростковыми забавами.

— Майя — моя дорогая подруга. Она спасла мне жизнь. Я на многое бы пойду ради нее, — осторожно сказал я.

— Говоришь как настоящий политик. Значит, друг. — Неттари подтвердила. В ее глазах было странное выражение.

— Да. — Я протянул это слово в отчаянии. Почему люди продолжают расспрашивать меня на эту тему? — С ней все нормально. Она красивая, удивительная и невероятно умная. Майя важна для меня, и я сделаю все, что смогу, сейчас и в будущем, чтобы помочь ей добиться успеха. Но я… меня кое-кто ждет в Уайтфолле.

— Брак по расчету?

— Скорее предопределенный, на самом деле. Часть моих видений.

— И Майя знает об этом? — спросила Неттари. Ее голос был непринужденным, но это все больше и больше напоминало допрос.

— Да. — Я сделал последнюю затяжку из своей трубки, прежде чем она догорела.

— Понятно. — Вопросы Неттари наконец стихли, и она в задумчивости отвернулась. Я повесил рюкзак на плечо и приготовился уходить. Неттари высыпала пепел из своей трубки в стоящий рядом поднос.

— Не засиживайся допоздна, — сказала Неттари. На мгновение она выглядела ужасно грустной, но это быстро прошло. — Мы отправляемся к краю, чтобы проводить ее, с утра пораньше.

— Я не пойду. — Я помахал рукой, не глядя, и направился в сторону тренировочной пещеры, изо всех сил стараясь не думать о том, что завтра к вечеру Майи уже здесь не будет.

http://tl.rulate.ru/book/77890/2439690